

Знакомьтесь — сильное государство
Рецензия на монографию
А.Д. Керимова и И.Н. Куксина
«Сильное государство, как определяющий
фактор общественного прогресса»
 (Издательство Норма, 2017 г. 96 с.).

Клименко А.И.,

доктор юридических наук, доцент,
 профессор кафедры теории государства и права
 Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
 E-mail: klimenko_law@mail.ru

***Аннотация.** Настоящая статья является рецензией на монографию «Сильное государство, как определяющий фактор общественного прогресса» Керимова Александра Джангировича — профессора, доктора юридических наук, профессора РАНХиГС при Президенте РФ, главного редактора научно-практического межотраслевого журнала «Российский журнал правовых исследований», члена Общественного научно-методического консультативного совета при ЦИК России и Куксина Ивана Николаевича — профессора, доктора юридических наук, профессора Юридического института Московского городского педагогического университета, заслуженного юриста РФ. В рецензии анализируются проблемы, затрагиваемые в рецензируемой монографии, а именно: государство и его роль в современном обществе, вопросы, связанные с эффективным функционированием государства, роль государства в обеспечении устойчивого развития общества в условиях современности.*

***Ключевые слова:** государство, сильное государство, право, функции государства, общество, публичный интерес, гражданское общество, сфера государственного интереса, общественный прогресс, общия воля, парламент.*

Развитие технологий, информационные процессы, а также специфика разделения труда на современном этапе развития общества существенным образом влияют на роль практически всех социальных институтов. Те вызовы, с которыми сталкивается сегодня политически организованное общество, требуют нового осмысления роли в нем государства. Это позволяет говорить о трансформации современного государства, и здесь наши оценки не должны быть просто констатациями того, что происходит, они должны быть направлены на понимание не только «государства, как оно есть сегодня», но и «государства, каким оно должно и может быть для нас в современных условиях». Это значит, что мы, понимая ту огромную роль, которую играет государство, и его значение как универсального «инструмента» решения стоящих перед обществом задач, «инструмента» организации общества для достижения определенных целей, должны по новому осмыслить его роль в контексте как социальных трендов и тенденций современности, так и с точки зрения наших потребностей и ценностных установок. Таким образом, проблема понимания места государства в современном стремительно развивающемся мире в общественной науке сегодня, несомненно, актуализирована. Рецензируемая работа является попыткой определить это место.

Следует согласиться и с правомерностью изначальной постановки вопроса о «сильном госу-

дарстве». Уже из названия работы становится понятно, что авторы придерживаются точки зрения о том, что современное государство должно быть «сильным», что четко позиционирует их как оппонентов кантианского подхода к роли государства и его месту в обществе и шире — критиков либерального дискурса о государстве. В определенном смысле эта позиция авторов идет вразрез с «мейн стримом» в современной юридической, да и политической, науке. Это делает работу тем более интересной и достойной внимания читателя. Полагаем, идеи авторов о том, что ввиду того, что современное общество характеризуется интенсификацией и усложнением практически всех обменных процессов, и, соответственно, повышается потребность общества в эффективном государстве как универсальном организаторе этих процессов, сегодня имеют под собой весьма серьезные основания.

Следует отметить, что, как утверждают сами авторы монографии, она не преследует цели создания концепции сильного государства, и действительно это представляется крайне затруднительной задачей и абсолютно невозможно в исследовании такого объема. При этом, полагаем, ценность работы заключается в том, что авторам несомненно удалось добиться той цели, которую они перед собой ставили: познакомить нас с концепцией сильного государства, «крупными мазками» обозначить эту проблему, очертить «основные контуры целостной научной концепции

сильного государства»¹. В этом плане мы не удивимся, если самими авторами, либо теми исследователями, которых вдохновит рецензируемая работа, научная разработка поставленной проблемы будет продолжена, что в конечном итоге позволит нам сформировать четкое представление о роли государства в современном обществе и создать фундаментальную теорию сильного, эффективного государства.

Исследование состоит из введения и четырех глав, последняя из которых обозначает базовые характеристики сильного государства, первая обосновывает потребность в сильном государстве, а вторая и третья посвящены чрезвычайно важным проблемам прав человека и общей воли, соответственно, в контексте проблемы сильного государства.

Вне всякого сомнения, следует признать справедливыми идеи, выраженные в **первой главе** монографии о том, что общественная жизнь характеризуется усложнением современных процессов и их ускорением. Авторы также совершенно справедливо полагают, что государство — единственный социальный институт, который способен выражать общую волю или, как мы бы сказали, — публичный интерес. Действительно, гражданское общество и его институты не способны выражать публичный интерес, так как их задача как раз и состоит в защите важных и насущных для социальных акторов частных интересов от «неправильно понимаемого» интереса публичного.

Авторами выдвигается и обосновывается тезис о том, что только сильное государство способно быть в реальности социальным². Действительно, полагаем, что это так. Быть «социальным» для государства означает прежде всего соответствовать насущным потребностям общества; чем более государство эффективно и чем большую социальную ответственность оно на себя берет, расширяя сферу своей властно-организующей деятельности, тем более оно способно решать проблемы общества в их взаимосвязи.

Применительно к России, полагаем, следует согласиться с авторами монографии в том, что сегодняшнему российскому государству безусловно необходима социализация — интенсификация его социальных функций, и это вопрос не столько социальной «благотворительности», а скорее — создания условий для наиболее полной реализации потенциала личности в сложных социальных условиях (в конечном итоге, во благо государства), а также социальной стабильности. Действительно, как справедливо отмечают авторы, значительная степень социальной поляризации, вызванная

имущественным неравенством, создает опасную ситуацию, и в этих условиях «лодка» социальной стабильности «раскачивается».

В этой связи также следует поддержать авторов в их неприятии критики социального государства как государства патерналистского, ведущего к «общей деградации». Такая критика не учитывает целого ряда особенностей как капиталистического общества, так и общества современного (информационного или неокapиталистического). Такие воззрения, полагаем, могут быть характерны для раннебуржуазной идеологии, т.е. для того периода, когда особенности капиталистического, экономического и социального устройства воспринимались недостаточно критично и негативные стороны капитализма еще только начали проявляться.

Совершенно очевидным представляется то, что основанием легитимности любого государственно-организованного общества выступает достаточное удовлетворение требований социальной справедливости. При этом очевидно, что только сильное государство способно обеспечить социальную справедливость, так как требование социальной справедливости есть требование публичного интереса, который ни один институт гражданского общества, ни один социальный актор, помимо государства, обеспечить не способен.

Авторы поднимают вопрос о «свободном рынке». И здесь совершенно справедливо можно сказать, что абсолютно свободный рынок не является благом для современного общества, это поняли уже давно во всех прогрессивных государствах. Верно то, что авторы обращают внимание на конфликт представлений о пользе свободного рынка и идеологии «классического» капитализма с современными реалиями информационного общества. Свободный рынок самоорганизуется не во благо всему обществу, он представляет собой постоянную борьбу социальных акторов, которая неминуемо заканчивается монополизацией рынка и подчинением государства экономически могущественным монополиям (как это справедливо подчеркивал Карл Маркс). Соответственно, полагаем, что государственный контроль за этим рынком правовыми средствами в современном обществе необходим. Это выражено, в частности, в интенсивном развитии антимонопольного законодательства, в появлении в современных государствах специализированных государственных органов и должностных лиц, в компетенцию которых входит противодействие горизонтальным и вертикальным монополиям, картельным сговорам, монополизации рынка и т.д. Все это делается во имя обеспечения «свободной конкуренции», однако примечательно, что без государственного вмешательства сам рынок такую «свободную конкуренцию» ограничивает. Следует признать верным утверждение

¹ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 93.

² Там же. С. 17.

авторов о том, что в полной мере саморегулирующийся рынок в условиях современности невозможен, да и в прошлом, в строгом смысле слова, такой рынок не существовал.

Рассматривая проблему социальной справедливости, авторы обращаются к работам Фридриха Августа фон Хайека, который честно писал о том, что «общество свободных людей» в его понимании несовместимо с идеей социальной справедливости³; он также, как известно, на основании диалектической связи прав и обязанностей отрицал экономические и социальные права ввиду того, что не признавал обязанностей за состоятельными членами общества, тех обязанностей, которые им корреспондируют. По его мнению, у богатых нет обязанности платить за бедных⁴. Эта дискуссия, по сути, сводится сегодня к вопросу о введении так называемой «прогрессивной шкалы» налога на прибыль, которая бы предусматривала более высокий процент налога для богатых людей, против чего как раз и возражают современные последователи Ф.А. фон Хайека. В России эта идея обсуждается, и, конечно, ее реализация требует определенной политической воли и чревата проблемами (в том числе, проблемами возможного оттока капитала и злоупотреблением предпринимателями так называемыми схемами минимизации налогообложения), но это не значит, что указанные проблемы не решаемы и от идеи следует отказаться. На самом деле, это не только способно уменьшить разрыв между богатыми и бедными, но и в конечном итоге полезно экономике, так как заставляет богатых платить больше. Неслучайно ряд американских экономистов утверждает, что высокая концентрация капитала в одних руках вредит экономике, так как богатые «мало платят». Если бедные расходуют практически все свои средства и тем самым оживляют экономику, то богатые расходуют и инвестируют ежемесячно только малую часть своих средств, а значительная их часть зачастую «не работает» в экономике.

Авторы обращают внимание и на феномен глобализации. Несмотря на то, что они не различают глобализацию и международную регионализацию как разнонаправленные тенденции, что на наш взгляд следует делать, постановка проблемы вполне своевременна. И выраженная в работе мысль о том, что необходимость усиления современного государства обусловлена и таким явлением как глобализация, абсолютно верна.

Глобализация — тенденция, тесно связанная с такими явлениями, как капитализм и развитие технологий. Сегодня капитал все больше превра-

щается в капитал, не имеющий национальной идентичности, в глобальный капитал. Современные попытки США и их союзников «демократизировать» все государства мира — это неокOLONIALИСТИЧЕСКАЯ тенденция, продиктованная логикой развития капитализма в мире⁵.

Классическая западная демократия основана на буржуазных ценностях, по сути можно говорить о ней, как о политической форме обеспечения господства капитала. Экономической основой такого господства является собственность («священное право собственности») и свобода предпринимательства. Это обеспечивает возможность приращения капитала, и для того, чтобы собственники определяли политику государства, нужны определенные каналы. Эти каналы предоставляет демократия западного типа. На уровне правовой институционализации в современных буржуазных государствах гарантирована свобода слова (свобода слова реализуется наиболее масштабно средствами массовой информации, контролируемые капиталом, т.е. СМИ, чья политика определяется их собственниками: «владельцами заводов, газет, пароходов»), свобода вероисповедания (позволяет ограничить господство над умами традиционалистских церковных структур, власть которых относительно независима от капитала), выборные органы власти и всеобщее избирательное право (позволяет «сильным мира сего», манипулируя сознанием людей через гарантированную свободой слова «четвертую власть», сформировать органы государственной власти и использовать их в классовых интересах). Но все же эти интересы — интересы национальной буржуазии, которые во многом совпадают с интересами населения. В современных же условиях, в условиях глобализации происходит иной процесс: Запад насаждает демократию в «недемократических странах», и по сути это означает, что эти страны становятся контролируемы не национальным, а глобальным или иностранным капиталом, при этом капиталисты не берут на себя никакой социальной ответственности за жизнь населения этих стран, даже той малой ответственности, которая была характерна для колониальных властей ранее.

Именно поэтому в своего рода идеологии «суверенной демократии» акцент ставился именно на обеспечение суверенитета, который не может быть достигнут какими либо средствами, кроме ограничивающих демократию и циркуляцию капитала и информации⁶. По сути, речь идет о том, чтобы обеспечить нашу независимость столь

³ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 29.

⁴ Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных ценностей справедливости и политики. М., 2006. С. 269–273.

⁵ См.: Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton, 2008.

⁶ См. об этом: Сурков В.Ю. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности (Стенограмма выступления) // PRO суверенную демократию: сборник / Составитель Л.В. Поляков. М., 2007.

нелюбимыми либералами «административно-командными» методами, которыми это сделать единственно возможно, и в конечном итоге не допустить превращения нашей страны в колонию. Использование этих методов возможно лишь при наличии сильного государства.

Понимая все эти обстоятельства, авторы явно критично настроены в отношении идеологии либерализма и стоят на модернизированных марксистских (неомарксистских) позициях, заявляя о том, что крушение капиталистического строя неизбежно.

Так, критика представлений о слабом или минимальном государстве переходит в конце главы к критике свободного рынка капиталистического мироустройства и идеологии либерализма (освящающей капитализм идеологии). Доводы авторов не бесспорны, однако представляются вполне убедительными. Их характеристики современных трансформаций общества следует признать вполне обоснованными и основательными.

Как справедливо отмечается в работе, государство должно быть сильным также ввиду необходимости эффективно противостоять современным вызовам, таким как терроризм, экологические проблемы, болезни, демография; только такое государство, как верно отмечают авторы, способно обеспечить устойчивое развитие современного общества. Это также очевидно и в том плане, что, как утверждают авторы, слабое, неэффективное государство подменяется альтернативными структурами. Такую ситуацию можно было наблюдать в 90-е годы прошлого века, когда для взыскания долгов гражданам обращались зачастую не в суды, а к представителям организованной преступности, когда защиту нередко искали не у правоохранительных органов государства, а у бандитов.

Во **второй главе** поднимается проблема соотношения сильного государства и обеспечения прав человека. Идея о том, что сильное государство представляет опасность для частного интереса и в общем для всей частной сферы, в особенности для сферы прав человека, довольно распространена в научной литературе. Полагаем, это связано с неточным пониманием категории «сильное государство» как синонима государства тоталитарного, государства, которое способно осуществлять произвольную политику «несмотря ни на что». В реальности, такие государства действующие «по произволу» довольно быстро растрачивают свою «силу» и запас прочности. Здесь нам близка точка зрения Ханны Арендт, которая считала, что политическая сила основана не на возможности применять насилие, а на поддержке многих людей, на их «участии» в государстве, которое можно определить как «чувство гражданственности»⁷.

⁷ См.: Арендт Х. Ответственность и суждение / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 80, 127; Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. С. 61.

В данной главе авторами ставится вопрос об идеологическом противостоянии позиций государственников, с одной стороны, и либералов — с другой. Этот конфликт рассматривается с максимально общих диалектических позиций в контексте использования категорий «часть» и «целое». Авторы работы полагают, что с этих позиций было бы наиболее верно исследовать вопрос о приоритете или даже о конкуренции частного и публичного интереса.

Несомненно то, что подлинный публичный интерес должен как правило ставиться выше частного в любом обществе, на этом оно и основано. Однако признание прав человека само по себе есть признание того, что частное в некоторых случаях может быть важнее публичного и в каком-то смысле это частное становится частью публично ценного — права человека как достоинства и как завоевания общества, как его ценностная основа. Неужели часть важнее целого? Полагаем, используя здесь органическую модель, можно сказать, что когда какой-либо конкретный орган подвергается опасности, усилия всего организма могут быть направлены на излечение этого органа. Здесь необходимо вслед за авторами работы заключить, что речь идет о разумном балансе, и в ряде случаев частный интерес ввиду его подлинности, насущности, актуализированности должен иметь приоритет над интересом публичным.

Американский правовед Рональд Дворкин отмечает то, что государство нарушает права человека каждый раз, когда поступает с ним несправедливо⁸. Однако справедливость — не это ли цель государства? Не отражает ли она более высокий принципиальный стратегический публичный интерес, чем тот, что кажется выгодным в социальном смысле «здесь и сейчас»? Соответственно, полагаем, что представление о правах человека и идея о том, что государство ими ограничено не ослабляет государство, а, напротив, позволяет ему оставаться сильным, страхует его от утраты легитимности, и это полностью соответствует духу высказываний авторов работы.

В монографии анализируется проблема неравенства. Так, отмечается представление Аристотеля о рабстве как о естественном явлении, однако полагаем, что этот тезис нуждается в пояснении. Так Аристотель, и до него Платон, а также, например, римский философ Сенека действительно оправдывали рабство и неравенство. Однако они считали его естественным не в социальном смысле, а в духовно-психологическом. То есть человек, который «раб в душе» обретает свое соответственное (рабское) социальное состояние; если же он в душе свободный, то это состояние он не примет. Если человек «слишком любит жить», то он «находится в вечном рабстве жизни», этот человек не

⁸ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.

способен к самопожертвованию во имя свободы и каких-либо великих идей ввиду того, что более них его заботит своя собственная жизнь. Таким человеком легко управлять, угрожая самой важной его ценностью — жизни, соответственно, он по своей сути — раб. Такова была логика античных мыслителей.

Здесь, исходя из характеристики свойств (качеств) человека, делается вывод о его социальной значимости. Конечно ни мы, ни авторы монографии не одобряем социальной практики рабовладения, однако возникает ощущение того, что если бы рабовладение являлось более эффективной формой эксплуатации человека человеком, чем его эксплуатация капиталистическими средствами, и эта форма была бы востребована сегодня, то наша этика «надстроилась» бы по-другому. И здесь рассуждения Э. Тоффлера о трех источниках власти: силе (насилии), деньгах, информации позволяют нам говорить о том, что каждый последующий инструмент власти и контроля эффективнее предшествующего⁹.

В связи с постановкой проблемы социального неравенства (по сути, проблемы уравнивающей и распределяющей справедливости) следует обратить внимание на рассуждения авторов об образовательных и иных цензах для избирательного права, что предполагает неравное, но как авторы по видимому полагают, справедливо неравное участие граждан в управлении государством в условиях демократии. Об этом писал еще Вольтер, отмечая, что беднота не должна допускаться до управления государством, и ей не должны предоставляться избирательные права ввиду того, что, по мнению французского просветителя, бедные люди, не владеющие собственностью, не только не понимают, как управлять даже своим собственным хозяйством, но и не заинтересованы в ответственном управлении существующим строем (им нечего терять). Авторы отмечают, что «наиболее ярким свидетельством торжества либерализма следует признать то обстоятельство, что борьба между приверженцами цензового, неравного и сторонниками всеобщего, равного избирательного права завершилась безоговорочной победой последних»¹⁰. Критикуя эту победу, авторы выступают за то, чтобы сохранить определенные цензы (например, возрастной), а также ввести новые. Так, в работе отмечается то, что желательно введение образовательных цензов (ибо управление делами государств должно быть осознанным, а образование — единственный формальный критерий, по которому можно понять степень осознания человеком социальной ситуации), а также введение «моральных цензов»¹¹.

⁹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004. С. 33–38.

¹⁰ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 49.

¹¹ Там же. С. 53–55.

Сложно оценить эти довольно интересные, но неоднозначные предложения авторов монографии, однако они выполняют свою главную задачу и ставят вопрос: так ли уж плоха цензовая демократия, если цензы выбраны разумно и имеют четкие формальные критерии.

Следует при этом отметить то, что логика капитализма неизменно приводит нас к формированию всеобщего и равного избирательного права ввиду того (что отмечалось ранее), что в таких условиях экономическому господствующему классу проще инвестировать свой капитал в символический и политический капитал¹².

Подводя итоги второй главе исследования, авторы справедливо заключают, что современное сильное государство должно стремиться сочетать и обеспечивать как публичный интерес (интересы государства), так и частный (в том числе, интересы индивида).

Третья глава посвящена проблеме сильного государства и выражению «общей воли». В главе ставятся два основных вопроса: «выражает ли и, если да, то в какой мере, государство в лице своих властных институтов волю народа? и должно ли оно формировать или способствовать формированию этой воли?»¹³.

Совершенно справедливо авторы отмечают, что зачастую граждане государства не способны сформировать свое мнение по многим важным вопросам в современных условиях интенсификации информационного обмена. А со временем, по мнению авторов, эта проблема будет усугубляться.

Зачастую люди рассматривают реальность через призму своих интересов (в том числе, классовых) и, более того, формируют свое мнение только в отношении того, что так или иначе затрагивает их интересы, в остальных же случаях они довольствуются готовыми мнениями (М. Вебер)¹⁴: мнениями экспертов, мнениями, которые им преподносят средства массовой информации и т.д. Очерченность гражданской позиции только личным интересом создает вне этого интереса сферу, которая податлива для формирования любых идеологических установок. Это также ведет к аполитичности большинства населения, которую можно наблюдать в демократических странах. Действительно, как утверждал «отец континентального либерализма» Бенджамин Констан, для современных народов важнее личные и экономические права и свободы, а права политические не востребованы, так как непосредственно не связаны с личными интересами людей.

¹² См. о символическом капитале: Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

¹³ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 57.

¹⁴ См.: Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М.-СПб., 2013.

Авторы, солидаризуясь с позицией французского философа, эссеиста и литератора Эмиля-Огюста Шартье¹⁵, также отмечают, что бедняки не имеют собственного мнения, ибо скованы невзгодами¹⁶, и здесь сразу можно вспомнить марксистский дискурс о мнимой «свободе» бедного человека.

Может ли воля большинства, даже если предположить, что она четко выражена, считаться «народной волей». Полагаем, что это тоже непростой вопрос, так как большинство это еще не весь народ. И эту проблему остроумно обыгрывает итальянский правовед Бруно Леони, сравнивая большинство в парламенте, увеличивающее для вас налоговое бремя (то большинство, за которое вы лично не голосовали), с большинством разбойников, которые, встретив вас в темном переулке, «проголосовали» за то, чтобы отобрать у вас кошелек и распределить ваши средства между собой (при этом к тому же несчастным окажетесь только вы, а ваше несчастье станет причиной счастья многих). Так, Б. Леони говорит о том, что диктатура большинства и диктатура меньшинства принципиально мало чем отличаются¹⁷.

Сложность состоит и в том, что, как утверждает в исследовании, народ может также «хотеть плохого» себе и другим народам. Опыт «третьего рейха» это наглядно проиллюстрировал. Соответственно, необходимо разделять вопросы народной воли и объективных потребностей народа (населения). Здесь, как мы считаем, было бы более удачно использовать понятие «государственный интерес» или, точнее, «публичный интерес» (интерес как осознанная потребность, осознанная не обязательно народом, а какой-либо социальной группой или должностными лицами государства и т.д.).

В связи с вышесказанным возникает вопрос: «народная воля» — не миф ли это? Даже если ее нет, есть то, что за нее постоянно выдается. Хороши ли наши процедуры для выявления народной воли? Хороши ли наши демократические ритуалы для служения этому политическому «богу» — «народу» и выявления его воли.

Авторы отвечают на эти вопросы, формулируя понятие «фикция народной воли». Однако объективно народное благо или благо для народа существует. Оно существует вне зависимости от способности народа его осознать. А осознанное благо превращается в публичный интерес, защитником которого, как отмечалось, может быть только государство.

Несмотря на общие марксистские установки работы существенным отличием от классическо-

го марксистского подхода являются идеи, наличие которых можно предположить, исходя из названия самой работы. Так, авторы полагают, что «государство в лице своих властных органов в первую очередь вырабатывает и выражает, главным образом путем принятия законов и других нормативных актов, **собственную волю, которая с большим основанием, чем какая бы то ни было другая воля, может быть признана совпадающей с народной** (за исключением, разумеется, воли, выявленной в ходе общенационального голосования или массовых выступлений) **и (или) отвечающей интересам населения страны**»¹⁸. Таким образом, полагаем, в вопросе о классовой и общесоциальной сущности государства авторы приходят к выводу об общесоциальной сущности современного государства.

В работе отмечается, что «государственные деятели оказываются перед необходимостью в первую очередь стремиться выявлять всеобщую волю»¹⁹. Скорее, полагаем, здесь должна идти речь не об определении «общей воли», а об определении общественных потребностей и концептуализации публичного интереса. Публичный интерес зачастую связан и с объективными потребностями общества, и с социальными конвенциями и компромиссами. Поэтому так называемая «всеобщая воля» предстает как компромисс-конвенция, как воля всех, но не каждого.

В исследовании акцентируется внимание на парламенте как на форуме, где вырабатывается эта «всеобщая воля». Парламент, по мнению авторов монографии, должен быть площадкой взаимодействия и институтов гражданского общества. Тем не менее, в исследовании указывается, что «функцию выработки общей воли фактически взяли на себя, если не сказать, узурпировали средства массовой информации. Но они, как известно, в так называемых развитых, цивилизованных странах в большинстве своем находятся в услужении у магнатов капитала»²⁰. Такое положение вещей оценивается в исследовании весьма критично, и его авторы отмечают, что парламент здесь должен «перехватить инициативу у СМИ»²¹. Скажем лишь, что в условиях демократии западного типа он тоже в определенном смысле состоит на «службе» у капитала.

Авторы полагают, что сильное государство должно стать во главе процесса выработки общей воли, соответствующей публичному (общему благу) интересу, а не навязанной или внушенной народу определенными классами и социальными

¹⁵ Псевдоним французского философа — Ален.

¹⁶ Керимов А.Д., Куксин И.Н. *Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса*: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 61.

¹⁷ Леони Б. *Свобода и закон* / Пер. с англ. В. Кошкина, под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 133-175.

¹⁸ Керимов А.Д., Куксин И.Н. *Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса*: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 68. (Выделено авторами монографии).

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Там же. С. 71.

²¹ Там же. С. 72.

ми группами, преследующими свои отличные от публичного интересы. Фактически в главе обоснован тезис, обозначенный еще в первой главе монографии, о том, что только государство способно адекватно выражать публичный интерес, понимаемый как интерес всего общества, интерес не каждого, но всех вместе.

Четвертая глава монографии «Основные характеристики сильного государства» представляет собой попытку общей концептуализации сильного государства. В ней авторы отвечают на ряд вопросов: «что есть сильное государство? Каковы его наиболее существенные признаки, отличительные черты? Каковы основные критерии, позволяющие рассматривать его в качестве такового?»²²

По мнению авторов, с которым сложно не согласиться, сильным государством является государство, которое обладает значительным властным потенциалом. При этом имеются в виду не только эффективно функционирующие полиция, армия, аппарат управления и принуждения в целом, но и власть экономическая. Причем эта власть основана на реальном производстве, а не на финансовых спекуляциях, т.е. сильное государство рассматривается как государство богатое. Источником богатства сильного государства являются не только налоги и сборы, но и владение значительной долей средств производства²³.

Сильное государство должно иметь монополию на насилие, и эта монополия должна быть действительной и обеспечиваться эффективным функционированием всех силовых структур²⁴. И здесь также можно согласиться с авторами.

В работе выделяется и еще одна черта сильного государства — обширная сфера влияния государства²⁵. Сами авторы отмечают, что здесь их позиция несколько отличается от позиции американского исследователя Френсиса Фукуямы, который четко дифференцировал силу государства, понимаемую как эффективность его функционирования, и сферу влияния государства, но это и не удивительно. Сам Ф. Фукуяма, сравнивая СССР и Россию, отмечал, что с сужением сферы государственного регулирования общественных процессов уменьшилась и эффективность осуществления функций государства (при переходе от СССР к России и соответствующей трансформации государства)²⁶. Не удивительно, что российские исследователи, исходя, прежде всего, из опыта нашей страны, считают, что сильное го-

сударство должно брать на себя и обширные социальные обязательства. Несомненно, это может иметь и пагубные эффекты, среди которых следует назвать бюрократизацию государственного управления и юридизацию многих сфер общественной жизни, однако вопрос о том насколько значимы эти эффекты остается открытым, тем более, что как раз опыт нашего государства говорит об обратном: несмотря на сужение сферы влияния российского государства в постсоветский период бюрократический аппарат рос, а юридизация общественной жизни стала до сих пор имеющей силу тенденцией развития нашего общества, так что идея о том, что современное российское государство должно выполнять обширный круг функций по отношению к обществу, заслуживает внимания.

Современное государство должно эффективно мобилизовать общество для решения насущных проблем последнего²⁷. Как полагают авторы монографии, «для этого необходима **власть над умами**»²⁸. Они также определяют эту власть как власть «духовную» в широком, а не в узкорелигиозном смысле слова²⁹. И в этом плане авторы полагают, что для обеспечения такого идеологического приоритета государства в обществе государственная власть должна опираться на светских и духовных интеллектуалов — **«светскую и церковную интеллигенцию»**³⁰. Они пишут о своего рода «симфонии» светской и духовной власти как условия существования сильного государства, что в современных условиях можно считать весьма оригинальной позицией. Духовная власть, разумеется, при этом совсем не сводится к власти церковных институтов. Напротив, в исследовании отмечается, что, эффективно привлекая церковь к своей деятельности, и, так сказать, «заигрывая» с ней, иногда слишком очевидным образом власти недостаточно эффективно работают со светской интеллигенцией.

Утверждая совершенно справедливую мысль о том, что «сильное государство немислимо без **государственной идеологии**»³¹, которая должна быть четко артикулирована и обладать эффективным механизмом внедрения своего содержания в массовое сознание, авторы считают интеллигенцию проводником этой идеологии. О важности идеологии для государства и общества писали многие; стоит вспомнить известного российского юриста Михаила Андреевича Рейснера, который вообще рассматривал государство как идеологический феномен и считал идеологию государство-

²² Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 73.

²³ Там же. С. 73–74.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 75–77.

²⁶ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.

²⁷ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 77.

²⁸ Там же. С. 78. (Выделено авторами монографии).

²⁹ Там же. С. 78.

³⁰ Там же. С. 79. (Выделено авторами монографии).

³¹ Там же. С. 86. (Выделено авторами монографии).

образующим явлением³². И сегодня мы видим, что из идеологий возникают государства и с падением идеологий они исчезают. Действительно, иногда хочется сказать, перефразируя слова героя произведения Г.К. Честертона: «Никарагуа — это не страна, Никарагуа — это идея». Интересны в этом отношении и работы Г. Леббона, и др.³³ Об идеологической функции государства, о государственной идеологии и правовой идеологии как идеологии государства много написано, и автор настоящей рецензии немало об этом писал³⁴, так что в целях экономии места перейдем к следующим признакам сильного государства.

К признакам сильного государства относятся также некоторые характеристики его элиты. Так, в монографии утверждается, что элита должна быть национально ориентирована и открыта (социальные лифты должны работать). В исследовании отмечается: «сильное, жизнестойкое государство с необходимостью предполагает наличие системы мер, обеспечивающей перманентное и интенсивное привлечение во властные структуры наиболее достойных представителей внеэлитных слоев»³⁵. Авторы, в целом критично оценивая ориентированность российской элиты (особенно тех ее представителей, которые обозначились в 90-е годы прошлого века), пишут о том, что сегодня ситуация меняется к лучшему, и российская элита становится более национально ориентированной³⁶. Действительно, предпринимаются некоторые меры для того, чтобы обеспечить национальную ориентированность элиты. К ним, в частности, можно отнести запрет на собственность за рубежом и счета в иностранных банках для государственных служащих, ориентированность при приеме на государственную службу на российское образование, полученное в российских вузах.

Что касается открытости российской элиты, то, полагаем, что это не самая большая проблема для нашего государства. Действительно, стоит только посмотреть на социальные корни представителей политической элиты и мы поймем, что большим достижением нашей политической традиции является то, что с советских времен для

достижения элитного положения в управлении государством необходимо прежде всего иметь «замеченные» заслуги и таланты, а также иные личностные качества. Тем не менее вопрос рекрутирования элиты должен обсуждаться со всей серьезностью. Если в советское время данную функцию выполняла связка комсомола и коммунистической партии, то сегодня применяются иные формы рекрутирования элиты: кадровые резервы, выдвижение заслуженных людей, выделяющихся своими успехами в общественной работе, и т.д. При этом данные формы рекрутирования имеют стихийный характер. Важным трендом в формировании российской элиты является также и ориентация на ее образовательный уровень, здесь в формировании элиты, конечно, нельзя отрицать роль ведущих вузов России.

Таким образом, в данной главе вырисовываются определенные контуры сильного государства. Причем авторы, учитывая, конечно, и зарубежный опыт, пишут в основном о России и о сильном государстве с российской спецификой, в российских условиях. Это повышает практическую ценность монографии и актуализирует ее содержание ввиду того, что рассуждения о сильном государстве вообще вне учета культурной специфики, специфики государственности конкретного типа будут страдать большой степенью абстрактности суждений, что затрудняет переход от теории к практике.

Подводя итог, следует отметить, что сегодня концепция сильного эффективного государства в российской правовой и политической науке весьма востребована. Она востребована и в идеологическом плане, и в программном плане обеспечения эффективного государственного строительства. Сегодня Россия с ее интеллектуальным, технологическим и культурным потенциалом просто не может позволить себе быть слабой, это должны понять и наши западные партнеры. Слабая Россия никому не выгодна. В конечном итоге именно сильная Россия с сильным и эффективным государством — это сильный партнер для сильных партнеров.

Список литературы

1. Арендт Х. Ответственность и суждение / Пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
2. Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
3. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
4. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М.-СПб., 2013.
5. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: избр. соч. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
6. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
8. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Нева, 2004.
9. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство, как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

³² См.: Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. (Данное издание приводится в соответствии с современными стандартами русского языка).

³³ См., напр.: Лебон Г. Психология масс. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.

³⁴ См., например: Клименко А.И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии. Смоленск: Смоленская городская типография, 2009; Клименко А.И. Структурные характеристики правовой идеологии. Монография. М.: Граница, 2015.

³⁵ Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 93.

³⁶ Там же. С. 90.

10. Клименко А.И. Актуальные проблемы осуществления идеологической функции государства и развития правовой идеологии. Смоленск: Смоленская городская типография, 2009.
11. Клименко А.И. Структурные характеристики правовой идеологии: монография. М.: Граница, 2015.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
13. Лебон Г. Психология масс. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000.
14. Леони Б. Свобода и закон / Пер. с англ. В. Кошкина, под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
15. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
16. Мамонтов А.Г. Независимость и законность современного суда: миф и реальность // История государства и права. 2012. № 11. С. 39–42.
17. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. М.: Проспект, 2015.
18. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999.
19. Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004.
20. Рейснер М.А. Государство. Часть 1. Введение. Культурно-исторические основы. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1911. (Данное издание приводится в соответствии с современными стандартами русского языка).
21. Рейснер М.А. Государство. Часть 2. Государство и общество. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1912. (Данное издание приводится в соответствии с современными стандартами русского языка).
22. Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2000.
23. Сурков В.Ю. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности (Стенограмма выступления) // PRO суверенную демократию: сборник / Составитель Л.В. Поляков. М., 2007.
24. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2004.
25. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
26. Фуллер Л.Л. Мораль права / Пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007.
27. Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных ценностей справедливости и политики. М., 2006.
28. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
29. Чиркин В.Е. Современное государство М.: Международные отношения, 2001.
30. Шмитт К. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Изд. дом Гос. ун-та. — Высшей школы экономики, 2010.
31. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, под ред. Д. Кузницына. СПб.: Наука, 2005.
32. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лоцевского и Ю. Коринца, под ред. Д. Кузницына. СПб.: «Владимир Даль», 2008.
33. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации — 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Современный конституционализм: вызовы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции РФ (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В.Д. Зорькин. М.: Норма, 2014. С. 397–421.
34. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton, 2008.

**Meet — a Strong State
Review the Monograph
«A Strong State is as a Determining Factor of Social Progress»
by A.D. Kerimov and I.N. Kuksin**

Klimenko A.I.,

Doctor of Law, Professor of the Theory of State and Law Department,
Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation
named V.Y. Kikot'

E-mail: klimenko_law@mail.ru

Abstract. *This is a review of the monograph «A Strong State is as a Determining Factor of Social Progress» by Alexander Dzhangirovich Kerimov — Professor, Doctor of Law, Professor of RANEPА under the President of RF, the Chief Editor of the scientific and practical magazine «Russian Journal of Legal Studies», Member of the Public Scientific and Methodological Advisory Council under the CEC of Russia, and by Ivan Nikolaevich Kuksin — Professor, Doctor of Law, Professor of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University, Honoured Lawyer of the RF. The review analyzes the issues raised in the monograph, namely the problems of the state and its role in modern society, a number of issues related to the effective functioning of the state, the problem of the state's role in the sustainable development of society in modern conditions.*

Keywords: *state, strong state, law, functions of a state, society, public interest, civil society, the scope of public interest, social progress, overall will, parliament.*

References

1. Arendt Kh. Otvetstvennost' i suzhdenie / Per. s angl. D. Aronsona, S. Bardinoy, R. Gulyaeva. M.: Izd. Instituta Gaydara, 2013.
2. Arendt Kh. O nasilii. M.: Novoe izdatel'stvo, 2014.
3. Burd'ye P. Sotsiologiya politiki. M.: Socio-Logos, 1993.
4. Veber M. O nekotorykh kategoriakh «ponimayushchey» sotsiologii // Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. 3-e izd., dop. i ispr. M.-SPB., 2013.
5. Gurvich G.D. Filosofiya i sotsiologiya prava: izbr. soch. SPb.: Izdatel'skiy Dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo yuridicheskogo fakul'teta S.-Peterb. gos. un-ta, 2004.
6. Dvorkin R. O pravakh vser'yez. M.: ROSSPEN, 2004.
7. Ellinek G. Obschchee uchenie o gosudarstve. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004.
8. Zinov'yev A.A. Na puti k sverkhobshchestvu. SPb.: Neva, 2004.
9. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Sil'noe gosudarstvo, kak opredelyayushchiy faktor obshchestvennogo progressa: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2017.

10. Klimenko A.I. Aktual'nye problemy osushchestvleniya ideologicheskoy funktsii gosudarstva i razvitiya pravovoy ideologii. Smolensk: Smolenskaya gorodskaya tipografiya, 2009.
11. Klimenko A.I. Strukturnye kharakteristiki pravovoy ideologii: monografiya. M.: Granitsa, 2015.
12. Korkunov N.M. Lektsii po obshchey teorii prava. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004.
13. Lebon G. Psikhologiya mass. Minsk: Kharvest, M.: AST, 2000.
14. Leoni B. Svoboda i zakon / Per. s angl. V. Koshkina, pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISEN, 2008.
15. Malakhov V.P. Mify sovremennoy obshchepravovoy teorii: monografiya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013.
16. Mamontov A.G. Nezavisimost' i zakonnost' sovremennogo suda: mif i real'nost' // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 11. S. 39–42.
17. Marchenko M.N. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo (teoretiko-pravovoe issledovanie): uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2015.
18. Polosin V.S. Mif. Religiya. Gosudarstvo. M.: Ladomir, 1999.
19. Radbrukh G. Filosofiya prava. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004.
20. Reysner M.A. Gosudarstvo. Chast' 1. Vvedenie. Kul'turno-istoricheskie osnovy. Posobie k lektsiyam po obshchemu ucheniyu o gosudarstve. M.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1911. (Dannoe izdanie privoditsya v sootvetstvii s sovremennymi standartami russkogo yazyka).
21. Reysner M.A. Gosudarstvo. Chast' 2. Gosudarstvo i obshchestvo. M.: Tipografiya Tovarishchestva I.D. Sytina, 1912. (Dannoe izdanie privoditsya v sootvetstvii s sovremennymi standartami russkogo yazyka).
22. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnyk dlya vuzov. M.: NORMA, 2000.
23. Surkov V.Yu. Suverenitet — eto politicheskii sinonim konkurentosposobnosti (Stenogramma vystupleniya) // PRO suveren-nuyu demokratiyu: sbornik / Sostavitel' L.V. Polyakov. M., 2007.
24. Toffler E. Metamorfozy vlasti. M.: AST, 2004.
25. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2007.
26. Fuller L.L. Moral' prava / Per. s angl. T. Danilovoy, pod red. A. Kuryaeva. M.: IRISEN, 2007.
27. Khayek F. fon. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: sovremennoe ponimanie liberal'nykh tsennostey spravedlivosti i politiki. M., 2006.
28. Khart G.L.A. Ponyatie prava / Per. s angl.; pod obshch. red. E.V. Afonasina i S.V. Moiseeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un.-ta, 2007.
29. Chirkin V.E. Sovremennoe gosudarstvo M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001.
30. Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma / Per. s nem. O.V. Kil'dyushova; sost. V.V. Anashvili, O.V. Kil'dyushov. M.: Izd. dom Gos. un.-ta. — Vysshey shkoly ekonomiki, 2010.
31. Shmitt K. Diktatura. Ot istokov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by / Per. s nem. Yu.Yu. Korints, pod red. D. Kuznitsyna. SPb.: Nauka, 2005.
32. Shmitt K. Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum / Per. s nem. K. Loshchevskogo i Yu. Korintsa, pod red. D. Kuznitsyna. SPb.: «Vladimir Dal'», 2008.
33. Ebzeev B.S. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii — 20 let: gosudarstvo, demokratiya, lichnost' skvoz' prizmu prakticheskogo konstitutsionalizma // Sovremennyy konstitutsionalizm: vyzovy i perspektivy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 20-letiyu Konstitutsii RF (Sankt-Peterburg, 14–15 noyabrya 2013 g.) / Otv. red. V.D. Zor'kin. M.: Norma, 2014. S. 397–421.